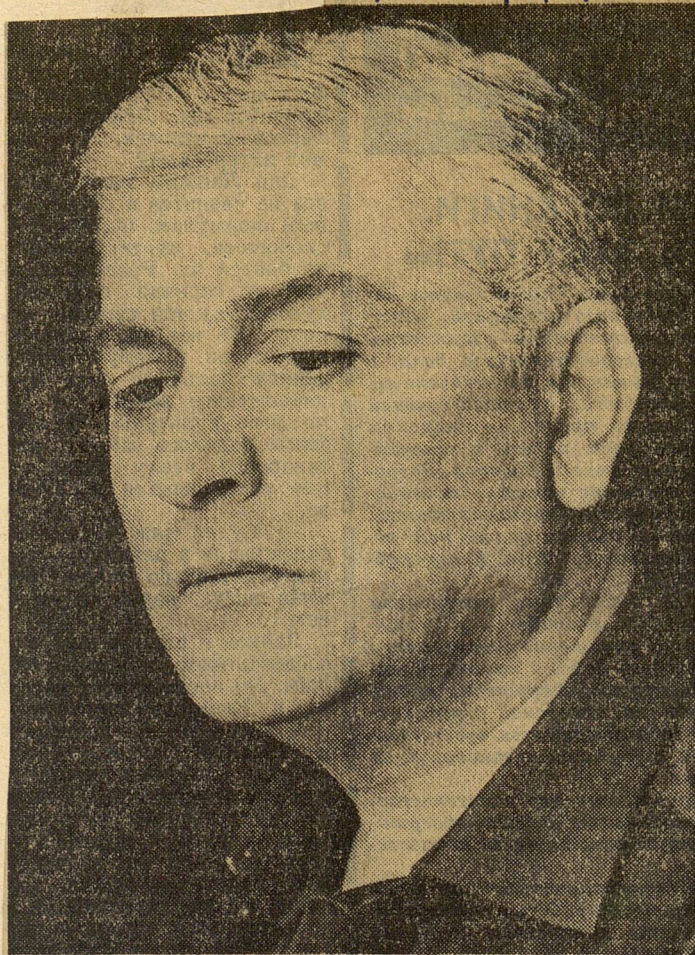

4 января 1977

люди искусства

ВНИМАЯ СЛОВУ

Юрий МОСЕШВИЛИ

Двадцать пять лет — уже более половины жизни — на сцене. Шумный успех ежевечерне. Любимец публики — на него оглядываются прохожие. Слава ему не в тягость — он легок в общении, весел, шутив. Вместе с тем знает всею истинную меру и цену. Разгормившись, он выходит из театра сквозь строй поклонников. Именно о таких говорят: вот оно, счастье, чего ему не хватает...

Да, счастье: народный артист республики Рамаз Чхиквадзе талантлив, признан, служит любимому делу. И здесь приличествует выдержку театральную паузу, после которой заметить: эти блестящие находки, которые он виртуозно нанизывает на роль из спектакля в спектакль, и эта завидная легкость, и его пение, которому отдается желанная дань даже там, где, казалось бы, песне не найти места, и слово самой высокой актерской пробы, и стоические нагрузки — все это плод титанической работы. Так что трудное в общем-то счастье быть хорошим актером...

Но, зная Рамаза Чхиквадзе, назидательной паузы делать не буду. Он считает, что искусство, его торжество должно быть легко, блистательно, празднично. А если так, то незачем выносить свои «седьмые поты» из-за кулис, к зрителям: дескать, нелегка стезя наша, цени, брат, и будь благодарен...

В пору гастролей Грузинского академического драматического театра имени Руставели в ГДР, в гостях у брехтовского «Берлинер ансамбля», кто-то из журналистов образно подметил: с выходом на сцену Чхиквадзе поджигает запал, и потом все время ждешь взрыва. Действительно, неукротимый темперамент актера накаляет зал и сразу же властно увлекает зрителя за собой, делает своим соучастником. Способность эта была открыта в нем давно; всегда с полной отдачей, на самом пределе делает он роль, и даже искусственные театралы считают, что использован максимум возможностей. Но новая работа — и неизвестно откуда взявшиеся новые краски, свежие силы. «Даже в одной роли Рамаза можно смотреть каждый день», — замечает его педагог народный артист СССР Д. Алексидзе, — актер постоянно углубляет образ».

Со студенческих работ определено амплуа, подканное ярко выраженными данным, — пластичностью, музыкальностью, динамичностью, откровенной склонностью к комедийной эксцентризме. Этим кругом очерчивался жанр, и даже в случайных для него ролях актер искал ключ к обретенной уже характерности. По-

зиции эти были подтверждены в «Чинчраке» Г. Нахуцришвили (Плешивый советник) и в «Трехгрошовой опере» Б. Брехта (Мекки-Мессер). Так что на «Хануму» с Рамазом Чхиквадзе публика шла, заранее представляя давно знакомые веселые коллизии и предвкушая, что-де еще преподнесет ее любимец. И он был великолепен в роли лукавого весельчака Акопа, окончательно утвердив себя в амплуа комика.

Два года спустя, в 1970-м, Р. Стурра и Т. Чхендзе ставят «Мачеху Саманишвили» по Давиду Клдиашвили — забавную историю о том, как Платону Саманишвили пришлось самому себе искать мачеху. Но вся круговерть трагикомических коллизий, связанных с жизнью представителей обветшалого мелкопоместного рода, определена автором как сатира. И сатирические стрелы метили тогда в конкретные социальные цели. Но нужно ли палить из всех орудий критического реализма по воробьям, давно разлетевшимся в классовых бурях? Вопрос риторический. Постановщики и исполнители, не сниская авторского пафоса, избрали иную тональность: взгляд на историю с высоты времени, взгляд умудренный, иронический. Исходная позиция спектакля — обстановка дома-музея писателя, где будет разыграно в лицах чтение взятой с полки книги. Задача подчеркнута ограничена: перед нами картинка прошлого.

Роль, предложенная Рамазу Чхиквадзе, очерчена просто и четко: провинциальный жуир и балагур, «профессиональный» гуляка Кирилл взялся подсобить Платону, учуяв, что под этим предлогом можно упорхнуть из-под крылышка жены и опрокинуть стаканчик-другой, как говорится, за всех святых. Кирилл Рамаза Чхиквадзе — изюминка спектакля. Дуэт Р. Чхиквадзе — Г. Гегечкори (Платон и «от автора») построен на контрастах. Если Платон есть нерв спектакля и его сюжетный стержень, то Кирилл — этот доморощенный смутяня, способный просто смешить своей бесшабашностью, — у Чхиквадзе двусмыслен. Актер извлекает из смешных ситуаций все возможное, но при этом личина персонажа его оказывается лакумусовой бумажкой, на которой проступают вся нелепость и ничтожность окружающего. В «Мачехе Саманишвили» все в прошлом, все как красочная, живая иллюстрация к давно знакомой книге: и ничтожные хлопоты Платона, спасающего наследство, и нелепое сватовство, и тоскливость провинциальных утех, и безысходность суеты. Но у Чхиквадзе наготове «двуствольный заряд», вто-

рой «выстрел» которого много тише, потому что приглушен смехом, но хлеще, так как попадает в зал: образ узнаваем, «герой» среди нас.

Поиски подтекста в откровенно комедийном материале, осмысление многосложности комического образа еще только намечаются актером, но смех его уже обретает иную природу, которой отныне будет тесна комедия положений. Природа новых поисков Чхиквадзе особенно ценна тем, что самобытна. Даже в игранном до него материале мы сегодня слышим не текст знакомой роли, а слова от первого лица, его слова.

И все-таки второе сценическое воплощение Чхиквадзе свершилось для всех неожиданно. Поставлены Робертом Стурра «Кваркварэ» по Поликарпе Какабадзе и «Кавказский меловой круг» Бертольта Брехта. На «Кваркварэ», где в заглавной роли Р. Чхиквадзе, актера, по традиции, встретили аплодисменты и смехи. Но постепенно таяли улыбки, сходились брови, новая маска актера не давала даже времени задаться вопросом, а что же за ней, но стало ясно — герой Чхиквадзе прощается с шутством, разорван круг привычного амплуа, которое, как нам казалось, было изготовлено навсегда.

«Кваркварэ» — хлесткое обвинение политическому авантюризму и лицемерию, социальной глупоте и попустительству. Питательная среда «кваркваризма» всех времен — гражданская близорукость, трусость, равнодушие, удобничество.

Так называемая сверхзадача постановки предопределяет сложность актерской задачи. Спектакль многоступенен, полифоничен. Многообразна и миссия главного действующего лица, вернее было бы сказать, лиц, так как Кваркварэ постоянно меняет маски, мимикрирует: то он мессия в хитоне, глаголющий людям «истину», то авантюрист, примазавшийся к революции, то каратель, то экстремист наших дней, а то и вовсе карикатура на фюрера. Масок много, мораль одна — у лжи и лицемерия короткие ноги, если самосознание народа не инфантильно. Впрочем, ассоциаций спектакль рождает массу, вольных или невольных, но прямо и смело работает на злобу дня.

Вся принципиальность творческой позиции была поставлена «на карту» главного исполнителя. «Кваркварэ», по существу, моноспектакль Рамаза Чхиквадзе. Затем — «Кавказский меловой круг», где в роли мудреца Аздака, переселенного Брехтом из древней притчи на грузинскую землю, Рамаз Чхиквадзе превзошел и наши, и собственные ожидания. Оба эти спектакля стали венцом московских гастролей руставелевцев, как свидетельствовала столичная пресса весной 1976 года.

Знает Чхиквадзе и кино-аудитория. Знает и принимает, хотя не видевшие его на театральных подмостках выскажут недоумение — так ли уж велико явление? И выскажут по справедливости. Что ж, и мудрый старик Лука в «Саженьцах», и эксцентричный жулик-доктор в «Лондере», и многое другое в иных лентах сделано всегда добротно, ловко, хорошо.

Я не спрашивал Рамаза Чхиквадзе о его толковании специфики работы в театре и кино, о его приверженностях и предпочтениях, боясь, что услышу расхожую актерскую шутку: «Люблю и папу, и маму». А если всерьез, то убежден: на самой просторной кинонатуре ему не хватает воздуха, только в переполненном зале театра он дышит легко и свободно. Искусство Чхиквадзе — театр чистейшей воды, ему необходимы публика, живое дыхание зала. Он жаждет зрителя, его реакции, благодарной и вдохновляющей.

Друзья говорят, что Рамаз — актер всегда и всюду. Разумеется, не в пресловутом смысле «актера в жизни». Он в центре внимания и на сцене, и за дружеским столом, и на «перекурах», хотя врачи уже предписывают покой, советуют беречь горло, умерять эмоции, хотя партнеры хмурятся с тревогой, когда на сцене он, уловив момент, незаметно откашливается, облегчая натруженные связки. Но мгновение, и снова ожила лукавая маска лицедея, взорвалась звонкой гаммой тирады монолога и вспыхнул зал, внимая Слову актера...

Тбилиси.

● Народный артист Грузинской ССР Р. Чхиквадзе.

Фото А. Саакова.